

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 176–181. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 4, pp. 176–181. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 348.97

EDN WTUWNT

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-176-181>

О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ В СТРАНАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАГРИБА XIV–XV ВВ.

Груздев Владислав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, Костромской государственной университет, Кострома, Россия; Херсонский государственный педагогический университет, Херсон, Россия, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Минеева Татьяна Германовна, доктор юридических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, t.mineeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9776-678X>

Аннотация. Страны Магриба занимают особое место в истории и теории права. Их правовые процедуры и институты складывались под влиянием различных факторов. В настоящее время правовые системы Северной Африки представляют собой комбинацию французского позитивного права, местных обычаев и мусульманского права. Однако процесс складывания правовых институтов Магриба шел достаточно долго, на него накладывали отпечатки как субъективные политические факторы, так и нормы обычного права берберских племен. Целью настоящего исследования является установление правового статуса судей в судебном процессе в средневековом Магрибе. Основным источником по изучению судебного процесса средневекового Магриба являются тексты фетв, составленных учеными юристами XIV–XV веков. Поэтому при изучении проблемы авторы статьи использовали метод анализа юридического текста в сочетании с принципом историзма. Основным результатом исследования стал вывод о том, что власть и судебные полномочия кади в отдаленных от центра государства регионах подменялись полномочиями других должностных лиц, зачастую действовавших на основании норм обычного права берберов. При противоречии норм мусульманского права и местных обычаев суд чаще выносил решение на основании норм обычного права.

Ключевые слова: Магриб, средние века, мусульманское право, маликитский мазхаб, суд, фетва, кади, берберы.

Для цитирования: Груздев В.В., Минеева Т.Г. О судебном процессе в странах средневекового Магриба XIV–XV вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 176–181. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-176-181>

Research Article

ON MEDIEVAL (THE 14TH TO 15TH CENTURIES) MAGHREB COUNTRIES' COURT

Vladislav V. Gruzdev, Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia; Kherson Pedagogic University, VGruzdev@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6315-8399>

Tatiana G. Mineeva, Doctor of Jural Sciences, Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, t.mineeva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9776-678X>

Abstract. The Maghreb countries occupy a special place in theoretical and legal courses. Their legal procedures and institutions were influenced by various factors. Currently, North African legal systems are a combination of French positive law, local customs and Islamic law. However, the process of the formation of the legal institutions of the Maghreb took a long time; it was influenced by both subjective political factors and the customary law of the Berber tribes. The purpose of this study is to establish the legal status of judges in litigation in the medieval Maghreb. The main source for studying the judicial process of the medieval Maghreb are the texts of fatwas compiled by educated jurists of the 14th–15th centuries. Therefore, when studying the problem, the authors of the article used the method of analysing the legal text in combination with the principle of historicism. The main result of the study was the conclusion that the powers, including judicial, of the qadi in regions remote from the centre of the state were replaced by the powers of other officials, often acting on the basis of Berber customary law. When there was a conflict between the norms of Islamic law and local customs, the court more often made a decision based on the norms of customary law.

Keywords: Maghreb, Middle Ages, Islamic law, Maliki school of Islamic jurisprudence, court, fatwa, qadi, Berbers

For citation: Gruzdev V.V., Mineeva T.G. On medieval (the 14th to 15th centuries) Maghreb countries' court. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 4, pp. 176–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-176-181>.

Развитие правовых систем Северной Африки к современному периоду привело к объединению обычного права, шариата и континентального права. На территории Магриба сформировался правовой компромисс путем скрещивания двух основных правовых систем – мусульманского права и французского права. Сегодня в Магрибе мало что осталось от категорий мышления мусульманских юристов, хорошо описанных Огюстеном Берком [Berque A.: 42–48].

Французские исследователи доказательно продемонстрировали, что берберские обычаи, жизнеспособность которых испытывалась давлением, оказываемым на них маликитской школой мусульманского права, заставили именно мусульманское право стать живым и постоянно адаптирующимся к меняющимся социальным условиям. При этом Ж. Марси считал, что берберское право и право, основанное на Коране, представляли собой противоположные системы [Marcu: 35].

В своей монументальной «Истории судебной организации в странах ислама», первое издание которой вышло в 1938 году [Туан], Эмиль Тьян предложил первое обобщенное эссе об основных юрисдикциях средневекового ислама. Эта работа, которая по сей день остается важным справочником как для историков, так и для юристов и специалистов по исламу, и сейчас побуждает исследователей завершить, уточнить или опровергнуть результаты Э. Тьяна. Основываясь на доступных в то время источниках, Э. Тьян стремился реконструировать из разрозненных фрагментов систему правовых институтов, которые он считал относительно однородными во времени и пространстве. С тех пор были проведены многочисленные исследования, в том числе региональные, которые создали более сложный образ исламской судебной системы. Факт остается фактом: до недавних исследований множественное измерение судебных институтов, как правило, игнорировалось.

При этом Лоуренс Розен в своем исследовании суда кади в маленьком городке Сефру в Марокканском Среднем Атласе считал, что правосудие там характеризуется тенденцией к постоянному согласованию индивидуальных интересов. Розен стремится показать, с одной стороны, что решение правосудия является продуктом культурных соображений, с помощью которых кади измеряет влияние своего решения и инкриминируемого действия на структуру отношений рассматриваемой социальной общности. С другой стороны, он также считал, что конкретный случай Сефру является воплощением марокканской культуры, которая сама по себе – воплощение мусульманской культуры [Rosen: 64–65].

Исследование соотношения норм мусульманского права и обычаев племен Северной Африки показало противостояние множества «частично автономных и саморегулируемых социальных полей, которые также являются производителями правовых норм» [Al-‘Ālimī R., Dupret B.]. Таким образом, племена можно рассматривать как частично (но не полностью) автономные социальные поля, внутри которых действует особая форма права: племенное обычное право, урф.

Также можно предположить, что обычное право в мусульманских странах выступает как своего рода синтез обычая и фикха, где часть последнего может преобладать или, наоборот, оставаться второстепенной. Мы склонны полагать, что это сохранение обычая характерно для неарабского мусульманского населения.

Такова эта система сейчас, однако средневековый Магриб (IX–XV вв.) хотя и являлся частью исламского мира, тем не менее отличался от правовых идеалов светской теократии и, соответственно, формы судебного процесса и роль в нем участников не могли не различаться от того, что существовало в крупных государственных центрах.

Защита справедливости в исламе издавна характеризуется своей множественностью. В средние века, как и в эпоху Османской империи, судебными полномочиями обладали представители различных институтов: кади (qāḍī – обычный судья), сахиб аль-шурта (ṣāhib al-shurṭa – начальник полиции), мухтасиб (muḥtasib – рыночный инспектор), сахиб аль-махалим (ṣāhib al-maḥālim – офицер, отвечающий за возмещение ущерба, злоупотреблений), вали, халиф и т. д. Роль каждого из соответствующих судов не всегда была определена, и их юрисдикция часто пересекалась. Существование судов, специфичных для немусульманских общин, еще больше усугубило сложность этого институционального распространения.

Сборники маликитских фетв периода позднего средневековья позволяют достаточно хорошо представить своеобразие хода судебного процесса в Магрибе того периода и выявить статус участников процесса. Чаще всего исследователями [Voguet 2014b] используется *Nawāzil Māzūna*, в котором собраны фетвы XIV–XV вв., применявшиеся юристами того времени. Публикации крупных фрагментов этого и других сборников фетв, таких как *Bāb al-qadā’ wa-l-ṣahādāt min nawāzil al-Burzulī* и *Al-Wanṣarīsī, Kitāb al-miyār al-muḡrib wa-l-ḡāmi’ al-mu’rib ‘an fatāwā ahl Ifrīqiya wa-l-Andalus wa-l-Maḡri*, французскими исследователями, прежде всего Э. Воге, сделали возможным известить юридический анализ текста фетв.

Правосудие, где бы оно ни осуществлялось в средневековом Магрибе, было организовано вокруг символической фигуры кади. Даже в районах, удаленных от городских центров, кади теоретически назначался центральной властью: султан, будучи верховным главой правосудия, осуществлял его либо лично, либо через представителей. Субъектной территорией является территория, на которую мог распространяться закон султаната. Она управлялась через судебную структуру, возглавляемую уполномоченным султаном человеком. Об этой функции главного кади достаточно подробно известно из исследований нескольких определений, содержащихся в сборнике фетв аль-Бурзули, на которые опираются практически все маликитские юристы этого периода [Van Staëvel: 41].

Великий кади, как и султан, имел право выносить смертный приговор, чего были лишены сельские кади. Такой вывод сделан на основании вопроса, заданного ибн Марзуку, известному юристу XV в. [Voguet 2014b: 240-243]. Ибн Марзук в своем юридическом комментарии подчеркнул разницу в теории права, выраженной аль-Бурзули, и существующими судебными практиками: «Кади городов в настоящее время уполномочены выполнять предписания Бога как закон возмездия или другие, потому что только султан наделяет их своей юрисдикцией» [Van Staëvel: 14]. Следовательно, кади сельской местности таким правом не обладали, раз их не назначил на должность непосредственно султан, поэтому пойманных в сельской местности разбойников, в том числе и берберов, следовало доставлять в суд кади ближайшего города. Сельским кади оставались дела, связанные с вопросами гражданского права: договоры, в том числе купли-продажи, наследственные дела, управление недвижимостью.

Впрочем, кади иногда утверждались теми, кто установил свою власть над регионом, например эмиром берберов, и такое назначение осуществлялось без разрешения султана. Полномочия такого кади не признавались маликитскими юристами, однако практика говорит о том, что некоторые судьи из регионов, слабо зависящих от центральной власти, были назначены действующим политическим лидером [Voguet 2014b: 106-107]. Эти регионы были полностью исламизированы, судебная организация, безусловно, была местной и независимой от государственного центра, но она следовала действующим правилам исламского правосудия, которым управляет кади.

Вопрос, заданный Абу л-Фаду аль-Укбани, еще одному известному юристу начала XV века, показывает особенность отправления правосудия в сельской местности: «Есть кади, который не получает жалования от султана или кого-либо еще и воздерживается собирать плату за составление своих ак-

тов или вынесение приговоров, поскольку большинство судей принадлежат к берберам» [Voguet 2014b: 232-233]. В этих случаях можно обнаружить относительную независимость этих судей, обусловленную тем, что они не были судьями, назначенными султаном, то есть государственными служащими, получающими жалование от центрального правительства. Они могли получать милостыню или в трудные времена обратиться за помощью к местной администрации, как это предполагается, когда мы видим, как кади просит шейха своего региона выделить ему землю, чтобы обеспечить ему средства к существованию. В этом последнем примере кади поддерживает опрошенный муфтий, который признает его статус судьи, хвалит его и поощряет выдачу ему содержания [Voguet 2014b: 106-107]. Таким образом, в местах, далеких от центров власти, кади действовал относительно автономно, под руководством местных властей, которые несли ответственность за назначение кади.

Дуалистический характер судов в исламских государствах на материалах Ирана и Саудовской Аравии обосновывается и отечественными исследователями [Гусейнова].

Когда мы изучаем судебную систему сельских районов, особенно если они находятся вдали от городских центров, то понимаем, что кади не единственный, кто вмешивался в процесс урегулирования правовых конфликтов. Если он, как правило, был участником судебного процесса в городах, то в местах, находящихся далеко от центров султанских держав, лишь изредка появляется в данном качестве, даже если предполагается его присутствие. В этом контексте выделение институциональных прерогатив кади позволяет показать, что если судебная власть в принципе осуществлялась по приказу и от имени центральной политической власти, то в сельской местности она также иногда присваивалась местными властями.

Такие местные власти в ряде случаев могли быть назначены уммали регионов, как они именуются в фетвах. Как и кади, уммали связаны обязательствами по отношению к султану, и их полномочия распространяются на определенную территорию. Теоретически можно предположить, что уммаль – это административный и финансовый агент, но фетва, изданная Абу л-Фадлом аль-Укбани, раскрывает интересную ситуацию, которая хорошо характеризует полномочия уммала. В фетве повествуется, что караван купцов возвращается из Судана с рабами, и во время пути один купец покупает у другого четырех женщин по цене, определенной между ними без учета торговой пошлины с обязательством заплатить сразу. Продавец рабынь погибает при пересечении Сахары. К прибытию в Ифрикию караван

попадает под юрисдикцию уммалю этого региона, который знает о сути этой сделки и обязывает покупателя уплатить в государственную казну сумму, которую он должен. Компетентность уммалю и его полномочия подтверждает правовед, которому был задан вопрос о справедливости требования: «Если бы повелитель правоверных поручил ему позаботиться об этом и других делах того же типа, его решение в этом случае эквивалентно решению кади, ответственного за управление богатством умершего. Однако обычаи и мнение имамов считают, что... местные представители власти выходят за пределы, установленные Справедливостью» [Voguet 2014b: 84-89].

Еще один персонаж, назначенный султаном, также появляется в качестве лица, имеющего судебные полномочия. Речь идет о каиде, эмире племени, назначенном (или признанном) султаном [Berque J.: 47]. Назначение уважаемых на местном уровне лидеров позволяет центральной власти сохранить влияние в отдаленных регионах. Мы не знаем точно, какие полномочия были делегированы этим каидам, но, возможно, именно они взяли на себя определенные судебные прерогативы, особенно в отношении уголовных дел.

Приведем следующий пример, взятый из фетвы Ибн Марзука. Вопрос был задан о ссоре между двумя людьми, один из них утверждал, что был ранен во время ссоры, но видимых повреждений не имел. Каид региона, куда направился предполагаемый пострадавший, арестовал обвиняемого [Voguet 2014b: 168-169]. Каида сопровождали отряд всадников и тюремщик. Обвиняемого заставили заплатить каиду определенную сумму и освободили. Заданный вопрос предполагает, что первоначальное обвинение было необоснованным, и поэтому возникает вопрос, был ли тот, кто был несправедливо обвинен, вправе требовать от обвинителя возместить то, что он был вынужден заплатить. Ответ Ибн Марзука однозначно дан в пользу обвиняемого, которому должна быть возмещена сумма, никаких комментариев по поводу законности роли каида не делается, поэтому можно только предполагать, насколько правомерным было вмешательство каида.

Известен еще один похожий комментарий Ибн Марзука, который касается следующего казуса: мужчину арестовывают и доставляют к каиду, который освобождает его, когда семья задержанного выплатила сумму в 10 динаров. Заданный вопрос также касался того, нужно ли возмещать расходы тем, кто заплатил 10 динаров [Voguet 2014b: 170]. Как и в предыдущем случае, юрист не дает заключения о правомерности вмешательства каида.

Можно назвать еще одного обладающего властными полномочиями представителя власти, который также мог выступать в роли судьи. Слово ха-

ким встречается в некоторых фетвах. Этот общий термин широко обозначает того, кто судит. Однако трудно понять, является ли это слово, когда оно встречается в данном случае, синонимом кади или же оно обозначает судью другого типа. Вопрос о статусе хакима был задан в начале XIV в., и в ответе говорится, что это доверенный юрист, если нет кади [Voguet 2014b: 171]. В данной фетве хакимом определен как судья, за которым юристы признают право разбирать правовой конфликт, при этом главным качеством хакима определена его честность.

По поводу различия статуса кади и хакима исследователи утверждают следующее: если кади занимается разрешением споров и исполнением назначенных в соответствии с законом наказаний, то хакимом в первую очередь стремится заключить сделку между сторонами [Hentati: 187]. Кроме того, прояснить ситуацию со статусом и полномочиями хакима может упоминание в *Nawāzil Māzūna* о том, что ибн Арифа, известный юрист XIV в. часто прибегал к суду хакима и утверждал, что в то время это было гораздо эффективнее, чем обращение к кади, к которому сложно подойти, особенно слабым [Voguet 2014a: 113–124]. Можно предположить, что суд хакима позволял интегрировать широко распространенные правовые практики в «официальную» систему, институционализировать местные традиции.

Наряду с хакимом мы также находим упоминание о советах известных представителей племен, например берберов, которые участвовали в разрешении конфликтов. Если подобное собрание пользовалось поддержкой юристов, то оно именовалось «собрание мусульман». Если же, наоборот, собрание представителей племени в чем-то было оппозиционно правовой доктрине маликитов, то оно не признавалось правомочным и ассоциировалось с несправедливостью, юристы отвергали любое его решение [Voguet 2014b: 172-173].

В качестве примера можно привести случай с человеком, который принес жалобу на собрание бедуинов, известное, по мнению юриста, тем, что они преступали законы. Тем не менее мы видим, что в местах, отдаленных от центра государства, люди спонтанно обращаются к этим местным властям для решения их конфликтов.

Говоря о местных практиках Магриба, позволяющих разрешать конфликты, нельзя обойти вниманием марабутов. Стабильность групп марабутов, своего рода сельских святых, соединяющих в себе как некоторые качества духовного подвижника, так и знание Корана в сочетании с религиозным престижем, делало их последним прибежищем для тех жителей отдаленных регионов Магриба, кому были нужны ходатаи-посредники. По мнению Н.Н. Дьякова, марабуты в XIV–XV вв. вполне могли сплотить и орга-

низовать массы мусульман Дальнего Магриба, в том числе и в правовой сфере [Дьяков: 60]. Марабуты утверждают себя в качестве посредников между конкурирующими властями, посредников для разрешения конфликтов. Несколько отдельных фетв показывают нам, как марабуты вмешиваются в регулирование межплеменной вражды. Фетва ибн Марзука содержит вопрос, имеют ли марабуты право рассматривать эти конфликты? Юрист отвечает: «Это обязанность каждого, кто имеет возможность внести свой вклад в обеспечение того, чтобы люди примирились», подтверждая такое посредничество, но избегая приписывать эту роль только марабуту: любой, кто окажется в таком положении, должен будет действовать так же, как и они. Однако фетва показывает, что марабутские группы были посредниками, признанными сельскими общинами, независимо от того, ведут ли они оседлый образ жизни или являются бедуинами, и что это признание вынуждает муфтиев включать их решения в право ислама [Voguet 2014b: 236–237]. Таким образом, юристы объединяют жизнь сельских общин и племенной образ жизни.

Сельские юристы, вынося решения по тем или иным делам, ориентировались на сборники фетв, которые должны были примирить нормы фикха и урф местных племен. Приведем, например, фетву тунисского юриста: дом прикрепляется к городскому валу так, что одна из его стен сама является валом. Эта стена приходит в упадок, и жители города хотят, чтобы ее отремонтировали. Так как хозяин дома отказывается взять на себя ремонт своей стены, то вопрос, заданный правоведам, следующий: «должны ли мы обязать по решению суда хозяина дома отремонтировать свою стену или всех жителей дома? должны ли они взять на себя этот ремонт [...] особенно, если им всем угрожают бедуины и мародеры, если авторитет султана падает или если султан не заинтересован в этом вопросе?» Ответ юриста предписывает всем жителям участвовать в восстановлении [Voguet 2004: 225–233]. Этот пример показывает, что владельцы домов, примыкающих к оборонительной стене, должны были регулярно поддерживать свои стены в порядке, но, прежде всего, если они не хотели этого делать или не имели средств, то это была обязанность всей общины, которая должна была оплатить расходы, понесенные на восстановление стены.

На этом примере мы также видим, что, когда власть, ответственная за обеспечение защиты города, недостаточна, община берет на себя обеспечение его защиты. Наконец, мы видим, что султан не только не является авторитетной властью для местных жителей, но либо мало заинтересован в защите крепостей, либо не имеет средств принять на себя роль защитника, которую он отводит себе. В любом случае

центральная власть далека от повседневной жизни и явно не озабочена поддержкой сельского населения.

Фетвы четко различают территории, находящиеся под защитой центральной власти, и регионы, которые избегают ее. Вожди племен, населяющих эти регионы, как правило, признаются нарушающими законы, а их судебные решения оспариваются. Но если султан присоединяется к угнетению и несправедливости, которые характеризуют вождей племен, он больше не отличается от этих конкурирующих вождей. Именно поэтому многие решения сельских юристов содержат если не прямое, то скрытое осуждение центральной власти.

Правовая доктрина маликитов среди прочего признает принцип, «обычаи стоят юридических оговорок», то есть если юрист в своем желании разрешить конфликт стремится к примирению права и обычая, то повсюду будут действовать местные практики, которые в конечном итоге будут приняты. Бабер Йохансен приводит в пример обычай договоров издольщины, широко практикуемый в центральном Магрибе [Johansen: 31–32]. По его словам, местные обычаи и общечеловеческие обычаи постоянно взаимодействуют: «в этом синаллагматическом договоре, часто упоминаемом в наших фетвах, продается не вещь, а человеческий акт, пахота, и этот вид продажи находится в открытом противоречии с тем, что разрешено исламским правом. Однако этот обычай принимается большинством маликитских юристов, которые таким образом хотят стандартизировать общепринятую и общую практику». Такое сопротивление обычаям шариата в конечном итоге способствует укреплению обычного права Магриба.

В заключение скажем, что если кади являются самыми известными судьями средневекового и современного ислама, то на самом деле они были далеки от монополизации отправления правосудия. Другие учреждения имели судебные прерогативы, например полиция (шурта), рыночная инспекция (хисба), губернаторы провинций и т. д. Возникли специальные суды, такие как военная юстиция (када аль-аскар) или суд по возмещению злоупотреблений (мазалим, иногда называемый «светским правосудием»). Тем не менее функционирование институтов за пределами судебной власти кади остается малоизученным, возможно, потому, что ученые – авторы наших источников – считали их находящимися на грани религиозного правосудия – единственного правосудия, которое они признавали законным. Таким образом, границу между юрисдикциями по-прежнему трудно определить, о чем свидетельствует всегда острый вопрос о реальных навыках кади в уголовных делах. Лучшее понимание этих институтов требует нового размышления над взаимодействием между различными судебными органами и их функционированием.

Библиографический список

Гусейнова П.А. Исламский уголовный процесс: религиозно-правовая природа и характерные черты (на примере Исламской республики Иран и королевства Саудовская Аравия): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 458 с.

Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тариаты, марабуты в истории Северной Африки (средние века, новое время). Санкт-Петербург: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 344 с.

Al-‘Ālimī R., Dupret B. Les procédures de justice tribale dans la société yéménite. Chroniques Yéménites, 2000, p. 8. URL: <http://Les-procedures-de-justice-tribale-dans-la-societe-yemenite-openedition.org> (дата обращения: 28.10.2023).

Berque A. Ecrits sur l'Algérie. Aix-en-Provence. Edisud, 1986, 322 p.

Berque J. L'Intérieur du Maghreb XVe-XIXe siècle. Paris, Gallimard, 1978, 546 p.

Hentati N. Mais le cadī tranche-t-il ? Islamic Law and Society, 2007, No. 14/2, pp. 180-203.

Johansen B. Coutumes locales et coutumes universelles aux sources des règles juridiques en droit musulman hanéfite. Annales Islamologiques, 1993, No. 27, pp. 31-32.

Marcy G. Le problème du droit coutumier berbère. La France méditerranéenne et africaine, 1939, fasc 1, pp. 7-70.

Rosen L. The justice of Islam. Oxford, Oxford University Press, 2000, 248 p.

Tyan É. Histoire de l'organisation judiciaire en pays d'Islam, préface d'Édouard Lambert. Annales de l'Université de Lyon, éd. Sirey, t. I. Paris, 1938, 524 p.

Van Staëvel J.-P. Droit mālikite et habitat à Tunis au xive siècle. Conflits de voisinage et normes juridiques d'après le texte du maître-maçon Ibn al-Rāmī. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 2008, 694 p.

Voguet E. Le Maghreb central au IXe/XVe siècle. Résistances à l'idéal islamique d'unité. Hypothèses, 2004, No. 1 (7), pp. 225-233.

Voguet E. De la justice institutionnelle au tribunal informel, le pouvoir judiciaire dans la bādiya au Maghreb medieval. Bulletin d'Etudes Orientales, 2014a, No. 63, pp. 113-124.

Voguet É. Le monde rural du Maghreb central (XIVe-XVe siècles). Réalités sociales et constructions juridiques d'après les Nawāzil Māzūna. Paris, Publications de la Sorbonne, 2014b, 512 p.

References

D'yakov N.N. *Musul'manskij Magrib. SHERify, tariaty, marabuty v istorii Severnoj Afriki (srednie veka, novoe vremya)* [Muslim Maghreb. Sheriffs, tariqats, marabouts in the history of North Africa (Middle Ages,

modern times)]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2008, 344 p. (In Russ.)

Gusejnova P.A. *Islamskij ugolovnyj process: religiozno-pravovaya priroda i harakternye cherty (na primere Islamskoj respubliki Iran i korolevstva Saudovskaya Araviya): dis. ... kand. yurid. nauk* [Islamic criminal process: religious and legal nature and characteristic features (using the example of the Islamic Republic of Iran and the Kingdom of Saudi Arabia): PhD thesis]. St. Petersburg, 2016, 458 p. (In Russ.)

Al-‘Ālimī R., Dupret B. Les procédures de justice tribale dans la société yéménite. Chroniques Yéménites, 2000, p. 8. URL: <http://Les-procedures-de-justice-tribale-dans-la-societe-yemenite-openedition.org> (дата обращения: 28.10.2023).

Berque A. Ecrits sur l'Algérie. Aix-en-Provence. Edisud, 1986, 322 p.

Berque J. L'Intérieur du Maghreb XVe-XIXe siècle. Paris, Gallimard Publ., 1978, 546 p.

Hentati N. Mais le cadī tranche-t-il ? Islamic Law and Society, 2007, No. 14/2, pp. 180-203.

Johansen B. Coutumes locales et coutumes universelles aux sources des règles juridiques en droit musulman hanéfite. Annales Islamologiques, 1993, No. 27, pp. 31-32.

Marcy G. Le problème du droit coutumier berbère. La France méditerranéenne et africaine, 1939, fasc 1, pp. 7-70.

Rosen L. The justice of Islam. Oxford, Oxford University Press Publ., 2000, 248 p.

Tyan É. Histoire de l'organisation judiciaire en pays d'Islam, préface d'Édouard Lambert. Annales de l'Université de Lyon, t. I, éd. Sirey. Paris, 1938, 524 p.

Van Staëvel J.-P. Droit mālikite et habitat à Tunis au xive siècle. Conflits de voisinage et normes juridiques d'après le texte du maître-maçon Ibn al-Rāmī. Le Caire, Institut français d'archéologie orientale, 2008, 694 p.

Voguet E. Le Maghreb central au IXe/XVe siècle. Résistances à l'idéal islamique d'unité. Hypothèses, 2004, No. 1 (7), pp. 225-233.

Voguet E. De la justice institutionnelle au tribunal informel, le pouvoir judiciaire dans la bādiya au Maghreb medieval. Bulletin d'Etudes Orientales, 2014a, No. 63, pp. 113-124.

Voguet É. Le monde rural du Maghreb central (XIVe-XVe siècles). Réalités sociales et constructions juridiques d'après les Nawāzil Māzūna. Paris, Publications de la Sorbonne Publ., 2014b, 512 p.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 09.11.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 09.11.2023.